

О.И.Мачульская

Тема любви в этической концепции И.Канта

Этическая теория Иммануила Канта несомненно является величайшим вкладом в мировую философию. Творческое наследие Канта, послужившее источником многочисленных обсуждений и интерпретаций, положило начало новой тенденции в осмыслении морали. Среди выдающихся философов последующего периода трудно найти такого автора, который остался бы совершенно равнодушным к идеям Канта, не выразил бы в той или иной форме своего отношения к его концепции.

И вместе с тем учению кенигсбергского мыслителя XVIII в. не суждено было быть понятным достаточно адекватно как современниками, так и последующими поколениями философов. Концепция Канта подвергалась неоднозначным, порой противоречивым и несоответствующим философскому замыслу автора трактованиям. Проблема роли любви в морали, соотношения нравственных чувств и долга в обосновании этического выбора личности — одна из наиболее дискуссионных тем, вызывающих нередко резкую критику теории Канта.

В обобщенном виде основные возражения кантовской концепции морали можно свести к следующим положениям.

Во-первых, Канта обвиняют в радикальном пессимизме во взглядах на человеческую природу. Подобного рода упреки высказывались такими авторами, как Конт, Фейербах, Юркевич. По их мнению немецкий философ рассматривает человека как изначально злое по своей натуре существо, неспособное на искреннюю и бескорыстную любовь и нуждающееся в принуждении к исполнению мораль

ных норм. Тогда как в действительности всеобщая любовь и благожелательность составляют естественную потребность человека и ведут к подлинному счастью наиболее верным путем. Задача философии заключается в прояснении и культивировании нравственного чувства в людях.

Во-вторых, Канта осуждают за разграничение любви и долга, противопоставление нравственного закона чувствам симпатии и сострадания.

В этом отношении показательно известное четверостишие Ф.Шиллера, в котором поэт иронизирует по поводу кантовского требования полностью исключить чувства из морали:

Ближним охотно служу, но — увя! —
имею к ним склонность.

Вот и гложет вопрос: вправду ли нравственен я?..

Нет тут другого пути: стараясь питать к ним презренье
И с отвращеньем в душе, делай, что требует долг.¹

По мнению таких авторов, как В.Соловьев, Н.Лосский, С.Франк, Б.Вышеславцев, Кант искажает понятие любви, отождествляя его с простейшими проявлениями чувственных склонностей, в результате чего он был вынужден свести мораль к системе нормативных предписаний, ограничивающих спонтанные порывы человеческой души. «Существенной ошибкой этики Канта ... является именно то, что нравственность он мыслит под формой закона («категорического императива») и фактически сливает ее с естественным правом»². С точки зрения критиков Канта немецкий философ не понимает истинной роли любви в духовной жизни, он заменяет сердечность чистым рациональным принципом, посредством которого возможно добиться только справедливости, но не полноты бытия, и тем самым разрушает основы веры и нравственности. В действительности любовь к Богу и к ближнему есть высшее достижение человеческих способностей, ведущее к единству в Боге всего человеческого рода. Таким образом, заповедь любви в конечном счете служит общим выражением всех требований морали. «Любовь, как благодатная божественная сила открывает глаза души и дает увидеть истинное существо Бога и жизни в ее укорененности в Боге... С того момента, как любовь... была открыта как норма и идеал человеческой жизни, как подлинная ее цель, в которой она находит свое последнее удовлетворение, мечта о реальном осуществлении всеобщего царства братской любви не может уже исчезнуть из человеческого сердца»³.

В-третьих, Канта часто упрекают за формализм, бессодержательность, бесплодный универсализм его этической концепции, за непонимание им тайны свободы и творчества. Такого рода возражения Канту характерны для представителей экзистенциальной философии. С их точки зрения, исключив из морали любовь и противопоставив склонностям нравственный закон, немецкий философ ограничил абсолютную свободу воли и упразднил творчество в морали. Кант требует подчинить поступки индивида всеобщему нормативному принципу и это приводит в результате к нивелировке личности и освобождению человека от ответственности за неустанный поиск жизненных ориентиров и созидание новых ценностей.

Так по мнению Н.Бердяева «Кант... рационалистически подчинил творческую индивидуальность общеобязательному закону... Канту чужда творческая мораль»⁴, для Бердяева кенигсбергский мыслитель является выразителем ветхозаветной догматической этики подчинения и послушания. Однако подлинная христианская этика как «откровение благодати, свободы и любви не есть подзаконная мораль и не заключает в себе никакой утилитарности и общеобязательности»⁵. И в этом смысле учение Канта враждебно духу творчества как героического восхождения и самоопределения.

В-четвертых, как подчеркивают оппоненты Канта, обосновать этику не обращаясь к чувству любви в принципе невозможно. Как отмечает А.Шопенгауэр, Кант неправомерно смешивает принципы этики (нормативные указания) и фундамент этики (мотивы их исполнения). Настаивая на исключении любых склонностей из морали, немецкий философ принимает позицию этического фанатизма: он пытается доказать, что нравственно лишь деяние, совершенное по обязанности, а не добровольному устремлению человеческого сердца. При этом, с одной стороны, Кант нарушает требование нравственной свободы, которое он сам же утверждает в качестве основного требования моральности. И, с другой стороны, понимая фактическую неосуществимость поступка без мотива, он был вынужден лицемерно обратиться к личной заинтересованности индивида и ввести в этику принцип высшего блага. В итоге, констатирует Шопенгауэр, «награда, постулируемая вслед за добродетелью, которая, стало быть, только по-видимому усердствовала безвозмездно, является прилично замаскированная, под именем высшего добра, которое есть соединение добродетели и благополучия. Но это в основании есть не что иное, как направленная на благополучие, т.е. утвержденная на своекорыстии, мораль, или эвдемонизм, который, как чужезаконный, Кант торжественно вышвырнул в главные двери своей системы и который под

именем высшего добра опять пробирается с заднего подъезда. Так мстит скрывающее в себе противоречие принятие безусловного абсолютного долга»⁶. В действительности, как утверждает Шопенгауэр, именно чувство любви и сострадания по отношению к другому человеку должно быть положено в основание этики. Способность проникнуться идеей того, что все живое по своей сущности есть то же, что и наша собственная личность, готовность испытывать искреннее и бескорыстное участие к чужому страданию являются единственными реальными мотивами истинно нравственных поступков.

Насколько справедливы данные критические высказывания в адрес философской концепции Канта и какую роль он отводил в действительности заповеди любви в морали? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо будет реконструировать ряд ключевых положений этической теории кенигсбергского мыслителя.

Основным пафосом учения Канта явилась идея нравственной свободы. Он строит свою концепцию исходя из принципов автономии воли, самозаконодательства личности в морали и универсальности нравственных норм. Согласно Канту, в морали субъект реализует свою уникальную способность подчиняться совершенно иному виду причинности, отличному от эмпирической каузальности. Нравственные действия являются актами автономной воли, они не могут быть обусловлены стихией спонтанных склонностей, внешним принуждением, утилитарными интересами, соображениями практической целесообразности и иными неморальными факторами. Этической ценностью обладают лишь поступки, совершенные из чувства долга, то есть непосредственно из уважения к нравственному закону. Моральный закон — категорический императив — позволяет квалифицировать действия, основываясь на формальной критерии — универсальной значимости этических указаний: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства»⁷. Личности вменяется в обязанность совершение конкретного нравственного выбора, привнесение положительного содержания в этические нормы. В морали воля субъекта является самозакондательствующей и нравственное требование имеет силу, лишь если оно есть результат свободного и сознательного творчества. Тем самым индивид конституирует себя как личность и демонстрирует тем самым свою принадлежность к умопостигаемому миру. Благодаря морали человек осуществляет прорыв из сферы эмпирического в область трансцендентального, созидает этические ценности.

В этом отношении Кант рассматривает любовь-склонность как неморальное явление. Эмпирическая любовь есть, по его мнению, спонтанное чувство симпатии к другому индивиду, свидетельству

ющее о возвышенном характере человеческой природы. Тем не менее любовь-склонность как таковая не может считаться этическим требованием.

Во-первых, любовь-симпатия, как и моральные чувства в целом, является случайным и неосознанным психическим порывом. Она способна привести к гетерономии воли, предопределенности поступков индивида эмпирическими причинами. Любовь-склонность есть стихийное и субъективное устремление человеческой души. Она не может служить основой для всеобщего нравственного законодательства.

Во-вторых, заповедь любви к ближнему сама по себе производна, она есть результат уже свершившегося морального выбора, а не его предпосылка. И с этой точки зрения, с одной стороны, неправомерно впадать в крайность этического фанатизма и требовать от индивида неперемного наличия чувства симпатии и расположения к другим людям и, с другой стороны, его отсутствие вовсе не является непреодолимым препятствием для исполнения нравственного долга. Как подчеркивает Кант: «Любовь есть дело *ощущения*, а не воления, и я могу любить не потому, что я хочу, и еще в меньшей мере — что я должен (быть принужденным любить); следовательно, *долг любить* — бессмыслица... *Делать* добро людям по мере нашей возможности есть долг независимо от того, любим мы их или нет... Кто часто делает добро и ему удается осуществить свою благотворительную цель, приходит в конце концов к тому, что действительно любит того, кому он сделал добро. Поэтому когда говорят: *полюби* своего ближнего как самого себя, то это не означает, что мы должны непосредственно (сначала) любить и посредством этой любви (потом) сделать *ему* добро, а наоборот — *делай* своим ближним добро, и это благодеяние пробудит в тебе человеколюбие (как навык склонности к благодеянию вообще)!»⁸.

Таким образом Кант настаивает на том, что эмпирическая любовь есть проявление низшей чувственной природы человека. Такая любовь проистекает из гетерономной воли и не может служить основой морали. Философ доказывает необходимость разграничения чистых и эмпирических нравственных максим. С этой целью он вводит в свою этическую систему два различных понятия любви: «любовь — удовольствие» («*amor complacentiae*») и «любовь — благоволение» («*amor benevolentiae*»).

С точки зрения Канта, «любовь-удовольствие» или «патологическая любовь» — это моральноиндифферентное чувство симпатии к объекту любви, связанное с положительными эмоциями, вызванными представлением о его существовании.

«Любовь-благоволение» или «практическая любовь» — интеллектуальное качество. Она не предшествует морали, а, напротив, является производной от нравственного закона. «Практическая любовь» есть благоволение, то есть морально благая воля, воля, стремящаяся к благу, направленность которой определяется категорическим императивом. Чистая любовь — результат свободного и сознательного выбора личностью добра, исполнения нравственного долга. Такая любовь не может зависеть от эмпирических склонностей, непосредственных влечений и иных форм физической причинности. Она проистекает из автономной воли.

«Практическая любовь» в противоположность «патологической любви» способна стать универсальным требованием морали, поскольку она ориентирована исключительно на нравственный закон и согласуется с принципами свободы воли, самозаконодательства и всеобщности этических норм. «Любовь как склонность не может быть предписана как заповедь, но благотворение из чувства долга, хотя бы к тому и не побуждала никакая склонность... есть *практическая*, а не *патологическая* любовь. Она кроется в воле, а не во влечениях чувства, в принципах действия... только такая любовь и может быть предписана как заповедь»⁹, — утверждает Кант. При этом любовь-благоволение не является естественным чувством, данным человеку изначально. Субъект обретает ее в процессе душевного самосовершенствования путем борьбы с собственными слабостями и пороками, посредством самопринуждения и самовоспитания.

Чистая любовь в отличие от любви эмпирической — это практическая способность. Чистая любовь — не только благо-воление, но и благо-творение, благо-деяние, активное осуществление добрых поступков. Как поясняет Кант, «...здесь подразумевается не просто благоволение *желания* ... а деятельное практическое благоволение, заключающееся в том, чтобы сделать своей *целью* благополучие другого человека (благотворение)»¹⁰. Поэтому из требования благодеяния следуют конкретные этические обязанности. Таковыми являются, по Канту, долг благотворения — совершение поступков, содействующих благу других людей, долг благодарности — почтительное отношение к индивиду, творящему добрые дела, и долг участия — сочувствие по отношению к страданиям другого человека.

Таков общий итог кантовских размышлений о роли любви в морали. Прделанный анализ показывает, что немецкому философу XVIII в. удалось путем разграничения эмпирических и чистых максим и обоснования принципа нравственной автономии преодолеть

напряженное противоречие долга и склонности, деонтологических и аксиологических указаний, столь актуальное для философии морали на протяжении всей ее истории.

Примечания

- ¹ Шиллер Ф. Собрание сочинений: В 8 т. М.-Л., 1937. Т. 1. С. 164.
- ² Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 83.
- ³ Там же. С. 325.
- ⁴ Бердяев Н.А. Смысл творчества // Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. Т. 1. С. 241.
- ⁵ Там же. С. 240.
- ⁶ Шопенгауэр А. Свобода воли и основы морали. Две основные проблемы этики. СПб., 1887. С. 137-138.
- ⁷ Кант И. Критика практического разума // Сочинения в 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 347.
- ⁸ Кант И. Метафизика нравов // Сочинения в 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 336-337.
- ⁹ Кант И. Основы метафизики нравственности // Сочинения в 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 235.
- ¹⁰ Кант И. Метафизика нравов // Сочинения в 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 392.